

Paradigmatic relations of peripheral onyms (based on Russian and Czech geortonyms)

The article deals with the views of scientists on paradigmatic relations of onyms. It describes synonymy, antonymy and homonymy of geortonyms in the Czech and Russian linguistic cultures.

Key words: *antonymy, paradigmatic relations, onym, geortonym, synonymy, homonymy.*

(Статья поступила в редакцию 24.05.2016)

Л.И. НАПЫЛОВА
(Астрахань)

**МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС
КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ
МЕЛИОРАТИВОВ В СОВРЕМЕННОМ
НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Предложено описание мелиоративной лексики современного немецкого языка. Установлено, что одним из основных способов образования немецких мелиоративов, обозначающих человека, является метафорический перенос. Наиболее продуктивными оказались метафорические переносы, основанные на сравнении человека с животными и с мифологическими персонажами.

Ключевые слова: *метафора, метафорический перенос, мелиоратив, способ образования, лексическое значение, семантическая деривация.*

Ценнейшим источником в познании мира и описании его языковой картины, существующей в сознании определенного народа и зафиксированной в национальном языке, является языковая метафора, которую мы воспринимаем и воспроизводим в речи, часто даже не задумываясь о том, что привычные для нас слова имеют фигуральный смысл [9, с. 31]. Известный ученый В.Н. Телия определяет метафору как «процесс, создающий новое значение языковых выражений в ходе их переосмысления, и способ создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивно-го манипулирования уже имеющимися в язы-

ке значениями с целью создания новых концептов, особенно для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственном ощущении» [10, с. 3]. Следовательно, метафора является базовой особенностью мышления, реализующейся в первую очередь в языке и помогающей унифицировать представления человека о чем-либо.

Труднообозрима научная литература, посвященная феномену метафоры, что обусловлено, с одной стороны, сложностью ее природы, множеством функций, выполняемых ею, а с другой – ее привлекательностью как объекта исследования [1; 2, с. 176–193; 3, с. 119–123; 6, с. 91–102]. Одна из функций метафоры в речи – это установление посредством ее употребления определенных отношений между тем объектом, которому мы хотим дать название, и тем, с которым мы его сравниваем [4, с. 108]. По сути, мы имеем здесь дело с метафорическим переносом, в основе которого лежат ассоциативные связи универсального и этноспецифического характера.

Метафорический перенос – один из основных подвидов семантической деривации. Понятие «деривация» в широком смысле слова было введено в 1930-х гг. польским лингвистом Е. Куриловичем. Он понимал под деривацией «не только факт образования одних слов от других с целью передачи синтаксических функций, отличных от синтаксических функций исходных, но также и тот факт, что одно и то же слово может выступать в разных вторичных синтаксических значениях, будучи в отличном синтаксическом окружении» [5, с. 61]. Семантическая деривация в современной лингвистике рассматривается как процесс образования производных значений от исходных. Данный процесс совершается по метафорической, метонимической и гипонимической моделям без изменения формы знака [7, с. 163].

Как один из основных типов содержательной связи между лексико-семантическими вариантами многозначного слова метафорический перенос основан, по авторитетному мнению М.В. Никитина, на симилиативных отношениях, на образном ассоциативном подобии [6, с. 94]. Иначе говоря, одни предметы окружающей среды в нашем сознании ассоциативно связаны с другими предметами. Это могут быть аналогии по внешнему виду, по функциям и т. п. В основе метафоры лежит образ. Как справедливо замечает Н.В. Черникова, образ,

на основе которого создается языковая метафора, представляет собой признак или ряд признаков, релевантных для формирования нового значения и являющихся посредником между прежним и новым метафорическими значениями [12, с. 82].

Согласно исследованию О.А. Никитиной, метафорический перенос служит наиболее продуктивным способом образования мелиоративных лексических единиц. «Метафора, будучи образным языковым средством, содержит в себе эмоционально-оценочный компонент. Экспрессивно-оценочные метафоры выражают эмоциональное отношение к обозначаемому явлению, апеллируют к чувствам человека. Конечной целью таких метафор является не только создание яркой образности, но и повышение эмоциональной эффективности высказывания» [8, с. 79].

Основной задачей мелиоративных лексических единиц является облагораживание, смягчение речи. Употребляя в разговоре с собеседником положительно окрашенную лексику, говорящий / пишущий тем самым оказывает положительное воздействие на его отношение к слушающему / читающему. К использованию мелиоративной лексики прибегают не только при непринужденном межличностном общении с близкими людьми, но и в рамках институционального дискурса, например во время деловых контактов, стремясь подчеркнуть сильные интеллектуальные или профессиональные стороны партнера. Позитивное настроение коммуникантов всегда благоприятно сказывается как на самом процессе коммуникации, так и на его результатах. Часто в достижении этой цели эффективны стилистические приемы, фигуры речи, принцип действия которых, как было сказано выше, лежит в основе образования и функционирования мелиоративных лексических единиц.

Проанализировав немецкие мелиоративы, обозначающие человека, мы пришли к выводу, что при их образовании наиболее продуктивными являются следующие типы метафорических переносов.

1) **Животное – человек.** При метафорическом переносе данного типа подчеркивается некое особенное качество именуемого объекта – общность поведения, внешние признаки, ощущения от восприятия двух сравниваемых объектов. Тем самым познается сущность человека, создается его образ и порождается новый смысл [11, с. 96]. Например, при употреблении по отношению к женщине слов *die Maus, das Mäuschen* метафорический перенос осуществляется по признаку «малень-

кое безобидное существо». Слова *die Katze, das Kätzchen* ассоциируются у нас с изящным, игривым, ласковым существом, а слово *das Häuschen* – с чем-то мягким и пушистым. Такие слова относятся к разряду ласкательных вокативов. Нередко мы можем услышать их, став свидетелями беседы двух влюбленных или при обращении матери к ребенку.

Зачастую зооморфные метафоры используются при образовании мелиоративов, обозначающих положительные черты характера человека или его высокий социальный статус. Например, мелиоратив *der Haupthahn* имеет значение «первое лицо, важная персона» (ср. в русском языке: «важная птица»), а словом *der Spaßvogel* можно назвать человека с хорошим чувством юмора, веселым нравом.

2) **Растение – человек.** При образовании мелиоративных лексических единиц этого типа может использоваться так называемая цветочная метафора. Такие слова наиболее употребительны при обращении к женщинам, т. к. в сознании большинства людей цветы являются символами нежности, изящества и красоты. Наиболее востребованным цветочным образом у немцев выступает роза, поэтому, например, при обращении к любимой женщине часто можно услышать слова *das Röschen, die Rosenblüte*.

3) **Мифологические персонажи – человек.** Данный тип метафорического переноса основан на сходстве человека с мифологическим персонажем по наиболее выраженным чертам и качествам. Например, если мы хотим подчеркнуть физическую развитость и силу мужчины, мы сравниваем его с Голиафом (*der Goliath*). Мелиоратив *der Adonis* будет употребляться по отношению к внешне привлекательному мужчине, а услышав слова *die Venus, die Aphrodite*, мы наверняка сразу поймем, что речь идет об очень красивой женщине.

К числу мелиоративов, образованных по данному типу метафорического переноса, можно отнести метафоры, в основе которых лежат прецедентные имена. Каждому из нас известно имя итальянского авантюриста, путешественника и писателя Джакомо Казанова, ставшего нарицательным благодаря его книге, в которой он описывает свои многочисленные любовные похождения. И сегодня, называя мужчину словом «Казанова» (*der Casanova*), мы стремимся подчеркнуть не его литературный талант, а его ошеломительный успех у женщин. Приведем далее пример из немецкого фольклора. Имя героя нидерландских и немецких легенд Тиля Уленшпигеля, прославившегося своей смекалкой, остроуми-

ем и веселым нравом, также стало нарицательным и вошло в обиходную речь немцев. Мелиоратив *der Eulenspiegel* означает «шутник, весельчак, балагур».

4) **Названия сладостей – человек.** В современном обществе давно укоренилось мнение, что сладости являются источником гормона счастья в организме человека. Именно такой смысл мы вкладываем, обращаясь к кому-то со словами *der Süße, die Süße, der Honey, der Honig* при близком межличностном общении. Мы как бы даем понять, что нам приятно находиться рядом с этим человеком, что рядом с ним мы испытываем счастье. В эту группу можно также включить мелиоративы, обозначающие человека, который любит вкусно поесть, например *das Leckermaul, das Süßmaul*.

5) **Небесные светила – человек.** Каждому из нас знакомы выражения «солнце мое!», «звезда моя!». Подобные ласковые обращения можно встретить и в речи носителей немецкого языка (*mein Stern, meine Sonne*). Такие выражения типичны при обращении к женщинам, реже – к детям. Солнце и звезды недостижимы для нас, но мы к ним тянемся, мы ими любимся, они прекрасны в своем сиянии. Солнце – это источник жизни на земле. Следовательно, обращаясь к человеку подобным образом, мы подчеркиваем его значимость в нашей жизни, указываем на то, что он для нас очень дорог. Подобный смысл мы вкладываем в мелиоративы, в основе которых лежит перенос названий явлений природы. Например, немцы в повседневном общении с близкими или детьми часто используют слова *der Sonnenschein, der Mondschein*.

6) **Драгоценные камни (металлы) – человек.** В мелиоративах *der Schatz, das Schätzchen, der Goldschatz, das Juwel* заложена сема «то, что дорого». Говоря, например, *mein Schatz* близкому нам человеку, мы хотим показать, как много он значит для нас, как мы дорожим им, как больно нам будет расстаться с ним. Ведь в нашем сознании заложено, что обладание дорогой вещью всегда сопряжено с риском ее потерять. Такая семантика придает данным мелиоративам более высокую эмоциональную оценку, а их употребление в речи делает ее более эмоционально окрашенной.

7) **Предметы окружающего мира – человек.** В качестве примера для данного типа метафорического переноса можно рассмотреть мелиоратив *der Rettungsanker*. На русский язык его можно перевести как «надежда, опора». Вторая морфема, входящая в состав слова, – *der Anker* – символизирует стабиль-

ность, надежность. Следовательно, словом *der Rettungsanker* мы можем назвать человека, к которому всегда дозволено обратиться за помощью в трудную минуту. Можно привести еще один пример. Энергичного, полного жизни человека часто называют *das Energiebündel*, что дословно означает «пучок энергии».

8) **Абстрактное понятие – человек.** Такие абстрактные понятия, как *die Liebe, das Glück, die Schönheit, der Erfolg, die Kapazität, das Wunder*, часто самостоятельно употребляются в качестве мелиоративных единиц либо становятся их составным компонентом и выполняют функцию определяющей морфемы. Например, красивую девушку или женщину называют *die Schönheit* (красавица), а человека, являющегося крупным специалистом в той или иной области, – *die Kapazität*. Продуктивными словообразовательными морфемами в немецком языке являются *das Glück* и *der Erfolg*. Мелиоративы с компонентом *Glück-*, как правило, обозначают людей, которым в жизни посчастливилось что-то сделать или в чем-то повезло (ср.: *der Glückspilz, das Glückskind, der Glücksritter*). Мелиоративы с компонентом *Erfolg-* употребляются по отношению к людям, добившимся успеха в той или иной сфере деятельности, например *der Erfolgsmensch, der Erfolgsautor, der Erfolgsregisseur*.

При описании положительных обозначений человека особый интерес вызывает явление энантиосемии, когда слово с изначально отрицательным значением переходит в разряд мелиоративов. Например, слово *der Scheisser* изначально имеет отрицательную коннотацию, но если его употребить в контексте ласкового обращения к ребенку, то выражение *Hallo, mein kleiner Scheisser* уже будет восприниматься не как оскорбление, а, наоборот, как проявление симпатии. Или, например, слово *das Dickerchen* (букв. ‘толстухка’) не будет звучать грубо и обидно, если мы им ласково назовем близкого человека (ср. в русском языке: «пышечка»).

Довольно показательным примером может послужить слово *der Pups*, которое является производным от глагола *pipen*, имеющего отрицательное значение. Изначально словом *der Pups* ласково называли младенцев, затем оно прочно вошло в язык влюбленных, и теперь мы часто можем слышать, как парочка влюбленных молодых людей обращается друг к другу *Pups* или *Pupsi*. Слово «пупсик» также активно используется русской молодежью.

Явление энантиосемии объясняет тот факт, что оценочные слова изначально биполярны. То, какую оценку будет нести в себе

слово, зависит, прежде всего, от цели высказывания и контекста. Одно и то же слово может по-разному восприниматься в зависимости от того, настроены ли мы доброжелательно, шутливо или иронично по отношению к называемому объекту.

Подводя итоги вышесказанному, можно утверждать, что семантическая деривация, в частности метафорический перенос как один из ее подвидов, является одним из механизмов обогащения мелиоративного фонда немецкого языка. Нами были выявлены 8 основных типов метафорического переноса, лежащих в основе образования немецких мелиоративных единиц. Наиболее продуктивны из них переносы, основанные на сравнении человека с животными, мифологическими персонажами и абстрактными понятиями. Зооморфные метафоры, как правило, обозначают человека, вызывающего симпатию, и в большинстве своем являются ласкательными словами. Мифологические метафоры подчеркивают определенные качества человека, например его силу и красоту. Этот факт объясняется прежде всего тем, что мифологические герои являлись носителями, как правило, одной наиболее ярко выраженной черты. Мелиоративные единицы, имеющие в своем составе слова, обозначающие абстрактные понятия, характеризуют образ жизни человека, его профессиональную принадлежность и социальное положение.

Мышление человека по своей сути метафорично, что дает неисчерпаемое поле деятельности для словотворчества и пополнения словарного состава языка. Языковые метафоры помогают нам лучше узнать носителей того или иного языка, ознакомиться с системой их ценностных ориентиров и тем самым успешнее интегрироваться в инокультурном социуме.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Яз. рус. культуры, 1999.
2. Красавский Н.А. Русские номинанты эмоций и метафора // Аксиологическая лингвистика: проблемы теории дискурса, стилистики, семантики и грамматики: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского. Волгоград: Изд-во «Колледж», 2002. С. 176–193.
3. Красавский Н.А. Метафора как способ речевого воплощения концепта «страх» в повести Стефана Цвейга «Страх» // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. 2015. №1 (96). С. 119–123.
4. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: семантика производного слова. М.: Наука, 1981.
5. Курилович Е. Очерки по лингвистике. Биробиджан: Тривиум, 2000.
6. Никитин М.В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания. 1979. № 1. С. 91–102.
7. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1988.
8. Никитина О.А. Развитие новых значений слов на основе метафорического переноса как один из способов обновления словарного состава немецкого языка (на материале глаголов и глагольных единиц – семантических неологизмов конца XX – начала XXI в.) // Вестник Вятского гос. гуманит. ун-та. 2009. № 3, т. 2. С. 76–81.
9. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993.
10. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
11. Трофимова Н.А. Ласкательные вокативы: деривационный аспект // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина, 2014. Вып. 1, т. 1. С. 95–103.
12. Черникова Н.В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии // Филологические науки. 2001. № 1. С. 82–90.

* * *

1. Arutjunova N.D. Jazyk i mir cheloveka. M.: Jaz. rus. kul'tury, 1999.

2. Krasavskij N.A. Russkie nominanty jemocij i metafora // Axiologicheskaja lingvistika: problemy teorii diskursa, stilistiki, semantiki i grammatiki: sb. nauch. tr. / pod red. N.A. Krasavskogo. Volgograd: Izd-vo «Kolledzh», 2002. S. 176–193.

3. Krasavskij N.A. Metafora kak sposob rechevogo voploshhenija koncepta «strah» v povesti Stefana Cvejga «Strah» // Izvestija Volgogr. gos. ped. un-ta. 2015. №1 (96). S. 119–123.

4. Kubrjakova E.S. Tipy jazykovyh znachenij: semantika proizvodnogo slova. M.: Nauka, 1981.

5. Kurilovich E. Oчерки po lingvistike. Birobidzhan: Trivium, 2000.

6. Nikitin M.V. O semantike metaforы // Voprosy jazykoznanija. 1979. № 1. S. 91–102.

7. Nikitin M.V. Osnovy lingvisticheskoy teorii znachenija: ucheb. posobie. M.: Vyssh. shk., 1988.

8. Nikitina O.A. Razvitie novyh znachenij slov na osnove metaforicheskogo perenosa kak odin iz sposobov obnovlenija slovarnogo sostava nemeckogo jazyka (na materiale glagolov i glagol'nyh edinic – semanticheskikh neologizmov konca XX – nachala XXI v.) // Vestnik Vjatskogo gos. humanit. un-ta. 2009. № 3, t. 2. S. 76–81.

9. Skljarevskaja G.N. Metafora v sisteme jazyka. SPb.: Nauka, 1993.

10. Telija V.N. Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic. M.: Nauka, 1986.

11. Trofimova N.A. Laskatel'nye vokativy: derivacionnyj aspekt // Vestnik Leningr. gos. un-ta im. A.S. Pushkina, 2014. Vyp. 1, t. 1. S. 95–103.

12. Chernikova N.V. Metafora i metonimija v aspekte sovremennoj neologii // Filologicheskie nauki. 2001. № 1. S. 82–90.

Metaphoric transfer as the way to form melioratives in the modern German language

The article describes meliorative vocabulary in the modern German language. It is stated that one of the ways to form German melioratives denoting a man is metaphoric transfer. The most efficient ones are metaphoric transfers based on comparison of men with animals and mythology characters.

Key words: *metaphor, metaphoric transfer, meliorative, way to form, lexical meaning, semantic derivation.*

(Статья поступила в редакцию 24.05.2016)

Ж.Д. ЧЕДЖИЕВА
(Элиста)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В КАЛМЫЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Исследуется проблема национально-культурной специфики паремиологических и фразеологических единиц с компонентом «животное» в калмыцком и английском языках. Выявлены семантические сходжения, несмотря на различное использование образов животных в паремиях и фразеологических единицах, количество которых с отрицательной оценкой больше, чем с положительной. Синтаксический анализ показал, что наиболее характерным типом для обоих языков являются паремии со структурой сложноподчиненного предложения.

Ключевые слова: *этнокультурный, паремиологические единицы, фразеологические единицы, сопоставительное изучение, простое предложение, сложное предложение, сложноподчиненное предложение.*

В паремиологических и фразеологических единицах калмыцкого и английского языков используется большое количество образов животного мира. В широком смысле животный

мир включает такие родовидовые общности, как домашние и дикие животные, птицы, насекомые и др. Образ животного помогает создать яркую картину морально-нравственных качеств человека.

Целью настоящей статьи является описание структурно-семантических свойств паремий фразеологических единиц калмыцкого и английского языков. Несмотря на различие генетических и культурно-исторических особенностей двух исследуемых языков, в них обнаруживается определенное количество указанных единиц, выражающих сходную семантику.

Между пословицами и поговорками много общего. По мнению Г.Л. Пермякова, поговорками называют иносказательные словесные обороты, выражающие незаконченные суждения, а пословицами – иносказательные предложения, которые формируют законченную мысль [12, с. 8]. Тонкого разграничения между пословицей и поговоркой в обоих языках не проводится. Пословицы и поговорки английского языка являются цельнопредикативными структурами. А.В. Кунин относит пословицы и поговорки к классу коммуникативных фразеологических единиц [4, с. 240].

Калмыцкие и английские паремиологические и фразеологические единицы, отражающие культурную специфику данных этносов, представляют интерес в сопоставительном аспекте. Материалом для анализа послужили калмыцкие и английские паремиологические и фразеологические единицы с компонентом «животное». Указанные единицы с их переводами на русский язык взяты из различных лексикографических источников (см. список).

Сущность паремий можно понять, соотнося их с определенными качествами характера человека, т. к. паремии своей семантикой ориентированы на человека. Паремии, положительно характеризующие человека, восхваляют такие его качества, как трудолюбие, смелость, осторожность.

Образ трудолюбивого человека в калмыцких паремиях ассоциируется с образами лошади (*мори*), собаки (*ноха*), муравья (*шорьлэжн*), например: *Шудрмг куунэ морнь гурдг*. Букв. 'У активного, энергичного человека лошадь бежит'. 'У трудолюбивого работа спорится' [1, с. 131]. *Йовси ноха яс кемлдг*. Букв. 'Бегающая собака гложет кость' [2, с. 80]. *Шорьлэжн бичкн болв чигн уул малтдг*. Букв. 'Муравьи хотя и малы, а раскапывают горы' [13, с. 611].